

Раздался испуганный возгласъ Сосѡ: — *Zizi, qu'as-tu?*

Это было послѣднее слово, дошедшее до нея; больше она уже ничего не помнила. Сосѡ ужасно засуетилась... Большую усадили на скамейку; но никто изъ толпы не подбѣжалъ, только мужчины посторонились.

Экипажа все не было. Рынинъ распорядился живо: послалъ двухъ жандармовъ, у кого-то нашелъ даже флакончикъ съ „солями“. Черезъ пять минутъ, когда поѣздъ ушелъ, среди ужасной толкотни, брѣкъ Софьи Германовны былъ приведенъ; Теняшевъ прибѣжалъ за ними.

Рынинъ посадилъ обѣихъ дамъ. Зина пришла въ себя, но была такъ слаба, что ее повели подъ обѣ руки.

И опять ведетъ ее этотъ офицеръ и держитъ ее такъ крѣпко, и она въ толпѣ, больная; можетъ быть, ее тошнило? Она спросила бы объ этомъ Сосѡ, но ничего не могла выговорить.

Рынинъ вызвался сѣсть править. Теняшевъ не допустилъ его; Сосѡ посадила Зину рядомъ; сзади помѣстился грумъ.

Всѣ благодарили Рынина. Должна была и Зина сказать ему съ усиленіемъ:

— *Merci, monsieur!*

Но ея вѣки не поднялись на него. Лицо ея было совсѣмъ мертвое, когда экипажъ тронулся тихо. Онъ глядѣлъ ему вслѣдъ, и фигура Зины, съ головой почти на плечѣ у Сосѡ, не вызвала въ немъ жалости. Урокъ былъ ею полученъ и лучше, чѣмъ онъ самъ могъ мечтать. И все-таки что-то тянуло его къ этой дѣвушкѣ. Не въ послѣдній разъ видѣлись они, даже еслибъ она и уѣхала сейчасъ. Ему сдавалось, что она не станетъ заживаться ни въ Петербургѣ, ни вообще въ Россіи.

Рынинъ прослѣдилъ глазами за экипажемъ и, когда онъ исчезъ изъ виду, немного стряхнулъ съ себя застывшую грязь, сдѣлалъ подъ козырекъ двумъ генераламъ и зашагалъ къ полотну ипподрома, гдѣ еще продолжалось офицерское угощеніе, подъ палаткой.

VIII.

Въ темной, душевной спальнѣ Зинаиды Мартыновны, выходившей на югъ, въ полдень, при спущенныхъ сторахъ, происходилъ разговоръ не громкій, но съ нервнымъ настроеніемъ. Вся комната куталась въ свѣтлую тафту, покрытую складками расшитой кисеи. Кровать, съ балдахиномъ, тоже вся утопала въ шитьѣ и складкахъ тюля.